

Михаил Погоарскии

Сказка
дедушка Яшка

Преисловие

«Скашки» и «Преисловие» — это не опечатки. Это — неологизмы. И это отнюдь не намёк на то, что дедушка Яшка шепеляв, хоть это и действительно так. Существительное «сказка» происходит от глагола «сказывать», рассказывать то есть. А «скашка» — от глагола «скашивать», то есть косить, не в смысле траву косить, а в смысле под дурака косить. Дело в том, что дедушка Яшка, умнейший и храбрейший старик, в своих рассказах, «скашках» то есть, всегда немного под дурачка косит, наверное, чтобы смешнее получалось:) Теперь «преисловие». Преисловие — то, что стоит перед словом. А преисловие — перед тем, что шло и вилось. Ведь эти скашки идут и вьются так причудливо, как небольшая речка Колпь во Владимирской Мещёре, на которой я и познакомился с дедушкой Яшкой.

Мы путешествовали на байдарке по этим удивительным местам, в которых стога висят в воздухе над заболоченной низиной для того, чтобы сено не подмыкало снизу. Как умудряются так искусно метать стога местные мужики — одному Богу известно, но факт остаётся фактом: стога висят в воздухе, опираясь всего на три палки. Другим поразившим нас фактом были непрерывные заторы из водорослей на узкой, но довольно глубокой речке. Через речку тут и там были протянуты тросы, на которых висело метров

по десять, а то и по тридцать зелёных водорослей. Вскоре мы увидели удивительный колёсный парходок с приделанной к нему косилкой, который плыл по реке и косил на дне её водоросли!!! Оказалось, что местные мужики из году в год косят свою речку, чтобы она не мелела, а в разлив водоросли выносит на луга, и они служат прекрасным удобрением! О других приключениях на этой речке можно прочитать в моём романе «ВВ», а здесь я скажу только, что именно в этих затерянных местах я и познакомился с дедушкой Яшкой. Для которого стал своего рода племянником (именно так он называет меня в своих скашках). Я однажды спросил его, почему он считает меня племянником? «Так ить, как жешь? Мы же с тобой одного роду-племени — человеческого, а стало быть, племянники!» — ответил мне Яшка. Пять лет назад мы выпустили несколько скашек дедушки Яшки очень небольшим тиражом, который вскоре весь и разошёлся. За пять лет с Яшкой произошло много новых невероятных историй, некоторые из коих мне удалось записать.

В настоящую книгу вошли как старые, так и новые истории.

Михаил Погарский, 21 сентября 2007

М е д в е ж ь я

Отправились мы, значцца, на медведя охотиться. Оно дело—то как получилось. С городу к Пахомычу сыновья понаехали. Пива, конечно, привезли. Два ящика, Водовки, конечно, ящик. Ну, выпили маненько. Туда—сюда. Айда, на медведя!

Пахомыч их отговаривать. «Какой там медведь? Да у меня и пулей жаканов — то две штуки осталось! Да и ружьецо—то старое. Через два на третий стреляет». Да то, да сё. Только ни в какую. Ну, делать нечего, пошли. Сели на старую пахомычеву телегу. Пиво, конечно, загрузили. Водку, конечно, тоже. Ну, ружьецо на всякий случай взяли. И две пули—жакан Пахомыч в карман положил.

По дороге пива—то у нас поубавилось, да и водка, надо сказать, поуменьшилась на маненько. А вскорости и телега с Пахомычем задевалась кудын—то. И сыновья его кудын—то запропастились. А сам—то я на полянке лесной оказался. Смотрю, ящик пива под головой притулился, и в руках ещё с полдутьылки имеетси. Ничего — жить можно...

Вдур! Батюшки—светы! Медведь. А пули—то жакан у Пахомыча в кармане лежат. Да и на что они, пули, без ружжа—то?! Без ружжа пулей медведя ну никак не убить.

Ладно, думаю, где наша не пропадала! На пиво споймаем. А надо вам сказать, медведи до пива сильно охочие. Я так соображаю, на пивной—то запах он и притащилси ко мне на полянку—то.

Ну, наливаю ему полную шапку пива.

Стало дуть, аккурат туда пять дутьюлочек и разместилось. Шапка у меня кожана, пиво хорошо держит, не протекает. «Напе, — говорю, — дятюшка Михаила, откушайте за моё здоробье». Смотрю, не отказываца. Ну и я мал-мала осмелел, свою то исть дутьюлочку допиваю поманеньку. А мишка-то быстро управилси. Чувствую, ему уже и вторая шапка потребная. Наливаю ещё. Отчего ж не налить. А где втора, там и третья. А где третья, там и четвёрта.

Так всё пиво и уговорил, чёрт косолапый. Я себе только-навсего одну дутьюлочку и подприпрятал.

Ну, туды-сюды — захмелел алкаш клешеногий. Бухнулся на травку — лапками сучит. Улыбаецси во всю свою пасть желтозубую. И заснул, тудым его рассюдым! Коли хошь — вяжи его, пока тёпленький и в зоопаркию продавай. Да токмо чтой-то жалко мне стало этого бедолагу мохнатого. Однакиси проучить его, думаю, маненько — не повредит. Достал я ножницы овечьи из грудного кармана, а я, надо сказать, завсегда с собой ножницы на охоту беру, мало ли что может случиться, как же без ножниц-то? Так вот, достал я ножницы и ногти ему подстриг маненько. Не все, конечно, а только два. Без всех-то он, думаю, пропадёт в лесу. Без ногтей его каждый заяц бояца прекратит. Куды ему, думаю, безо всех ногтей-то.

А ещё вот ведь напасть! То ли пиво в голове моей втупору выиграло, то ли кака друга вожжа под хвост подпала. Только выстриг я ему на спине глупу надпись: «Здесь был Яша!». А уж апосля того и до дому отпавилси. А дома-то переполох поднялси в полну силу. Пахомыч-то с сыновьями вернулси без ружжа, без водки, пульей-жакан и тех нетути.

«Дядя Яша, да где? Да что? Да как?» А я им ногти медвежачьи показыву, да шерсти клочок. А остальное, говорю, там — на опушке оставил. Не на себе ж тащить. А они-то о медведях, оказывается, и думать забыли. «Пиво-то, пиво-то есть ли?» — спрашивут, «Пива, — говорю, — нетути, но у старухи моей имеется полная бочка настоящей ячменной браги.» «Ладно, — говорят, — поедемте в город, может быть там хучь какое-то пиво осталось?»

А я не поехал, я домой пошёл. Поохотилси, думаю, надо и честь знать, завтра как-никак праздник. Можно сказать, самое что ни на есть 1-е мая.

Ну, туда-сюда — вечереет. И токмо я это стал подзадремывать поманеньку, слышу как будто стучица кто. Выглянул в окошко. Батюшки-светы! Медведь! Ну, думаю, вот так история! Это ему не иначе, как зайцы про меня настучали. Обиделси, думаю, старик за глупу надпись. Может ить в сердцах и домхидарку мою раскатать.

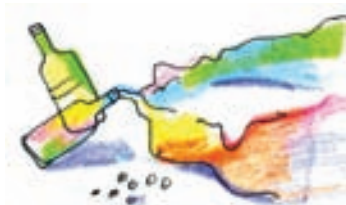

Так всё было и
Югославия, чёрт-костляк
и

Эх, думаю, бомба два раза в одно место не падает, зато кружка хучь
сто раз в одну глотку зальётся.

Выкатил я Потапычу на двор бочку браги. Крепко мы тогда вместе
с ним подружились. Так и остался у меня навсегда. За вместо соба-
ки летом дом сторожит. А зимой всё как-то спит больше.

З а я ч ь я

Да к-э-э-э чихну...

Ну это не сто. а штык шесть-то верных поднадежало

Приезжал тут до меня племянничек с городу. И рассказывал, как за границею зайцев ловлют. Он про это в одной умной книжке прочитал у самого что ни на есть Кнута Хамсуна.

А ловлют—то они хитро. Берут, стало быть, щепоть табаку да зеркальце маненько. Насыплют они этого табаку на камень. Зайчишка, конечно, прибежит поглядеть — чегой—то там такое мелкое поноасыплено. Сунет он свой бестолковый нос в табак, да и расчихаетси всене непременно.

Расчихаетси, стукнется головою о камени, да тут же и окочурица. Только сразу брать его не могли, а спервоналу подставь—ка ему под нос зеркальце. Ежели не запреет, стало быть, готов зайчишка. Задирай, как говорица, с хвостом и потрохами. А ежели запреет зеркальце—то, то обожди маненько, пока он, как говорица, концы не отдаст.

Вотщем хитро, очень хитро придумано.

Ну, племянничек—то, что до меня приезжали, рассказал, взбаламутил старика, да и был таков. А мне—то думка в голову од тойной охоте запала.

И вот выбрал я денёк, чтобы, значит, без дождичка, да и отправилси.

Ну, прихожу, тудым—сюдым. Табачку на камению поднасыпал и притаилси. Глядь, зайчишка откуда ни возьмись выбралси.

И, конечно же, сразу к моему камню бежит. Залезает он в мой табачок аж по самые уши и ну чихать, и ну фыркать, и ну головою вертеть. Токмо о камню почему-то не стукаца. Видать, и он мал-мала соображат. Почихал, почихал, дурилка косоглазая, да и ходу. Ну, думаю, сорвался охота, ан нет! Глянул на полянку, Ёлкины дети! Бегут родимые, и все как один до моего камню тороплються. Ну сто не сто, а штук шесть-то верных поднабежало. И давай камню со всех сторон нюхать, и ну чихать, и ну головами вертеть. Ай, думаю, что за диво тако? Неужли понравилось? Подошёл к камню, на колени, значица, встал, понюхал. Да к-э-э-эк чихну... Крепко головою о камнюку ударилси. Вот такую-ую шишаку набил.

Лосино-страусиная

Время, конечно, движется. Тудым-сюдым, опять племянничек до меня приехал. Африканскую горилку привёз. Говорит, из настоящих кактусов приготовлена.

Выпили, конечно, маненько. Та-ак, дрянцовая довольно горилка, но дело не в этом. Про африканску охоту племянник рассказывал. Вот они, стало быть, что такое, кактусиные дети, удумали. Они там вот как птицу-страус собирать наловчились.

Броют они, значица, голову напрочь и поливают её самым что ни на есть наилучшим клеем! А после того закапываюца в песок ажно по шейку. Птица-страус идёт себе середь пустыни, видит что-то круглое на песочке валяется, ай, думает, не моё ли это яйцо? Токма она присядет на него, аки глупа курица, как тут же клей-то и сработат.

Африканец вылезает, конечно, из песочку-то и до дому. Так и идёт с птицей-страусом на голове.

Ну, племяннику-то что, водки кактусячей попил, про глупу африканску охоту рассказал и уехал.

А я от этого дурного рассказу весь свой душевный покой растерял. Хотя после истории с зайцами я племяннику-то не больно верю. И тем более никакие страусы у нас отродясь ни водились. Решил я спервоначалу этот способ на курах проверить.

Выстругал с пенопласту яйцо, сдобрил его хорошенько сосновой смолою, верёвочку привязал, да и к Пахомычу в огород закинул.

потому как своих курей у меня как-то так не имеется.
Сам за плетнём притаился. Верёвку на руку наматал. Жду, стало
быть, когда клюнетъ.

Ну тенёчек, тудым-судым — разморило меня.
И токмо я это задремал, понимаешь ли, а оно кэ-эк задёргаться.
Я, конечно, тащить.

Упирается, стерва. Орёт, понимаешь ли, блягим матом.
Оказывается, это Пахомычева жена клюнула. Она, дура слепая, поду-
мала, что это всамделишное яйцо-то. Ну и попалась, естественно.
С ней-то я, конечно, и разговаривать-то не стал. Нечто бабе
объяснишь тако тонкое дело? А Пахомычу-то, конечно, рассказал
что да как.

Пахомыч — мужик рассудительный, он сразу смекнул — дело вер-
ное. Токмо как его спользовать в наших условиях, вот это
не больно понятно.

Думали мы с ним, думалц. И вот что порешили. Пахомыч-то
у нас и так весь из себя лысыи-прелысыи и браться ему для
охоты вовсе даже и не тредуца. Закопали мы Пахомыча в опав-
шие листья, а на голову соли посыпали и сосновой смолой облили.
Вот, ду-маем, придёт лось на полянку, почнёт соль-то лизать, да
языком-то и пристанетъ. Да в это время я из кустов выскочу
и, конечно же, горло ему перережу.

Пахомыч-то, естественно, отнекивался спервоначалу. Но с другой-то стороны, отчего ж не рискнуть, если ты всё равно как вроде бы и лысый уже? В общем, так оно всё и получилось. Лось, конечно, пришёл. Да только не лось, а лосиха, да и не одна, а с лосёнком. И вот этот-то гудошлэй к Пахомычевой лысине и прилепился. Прилепилси, орёт благим матом. А я что, рыжий что ли, на лосиху-то со старым ножиком идти? Был бы хотя бы новый ножик-то. Тогда бы да. А так, куды тут? Ну а Пахомыч-то видать тоже не выдержал. Рванулси, старый дурак, и дёру. Полбашки у лосёнка в зубах потерял, на фиг! Кровища-то так прямо и хлестала на землю. Здорово тогда на меня Пахомыч задиделси. А я причём? Нешто я знал, что лосиха вместе с лосёнком притащица? Да и ножик-то у меня старый был. Другое дело, если бы новый был. Тогда бы да.

Волчья

Приезжал тут вдругорядь этот баламут-племянник с городу. Спирту привозил питьевого. Ничего не могу сказать, вполне уважительный спирт, крепко в голову забирает, но дело-то не в этом. Когда эту спирту доели, он мне вот что про чукчей порассказал. Как, стало быть, чукчи медведя заваливают. Белого, конечно. У них там только белые медведя и водятся. Ага. Ну вот, берут, значаца, чукчи и для начала кита споймают. Как уж они кита ловлют, про то племянник не ведаёт, но дело-то не в этом. У китов энтих, оказывается, ус ну точно пружина стальна. Вот. И он (чукча) энтот ус сокрутит, в тюлений жир закатает, да и на стужу выставит. Жир тотчас смёрзнется и ус китовий не пуцает развернуться-то. Тогда чукча энтот шарик медведю-то и скормит. А в животе-то у медведя, конечно, в животе-то у него тепло. Жир-то и растает, а тут ус кэ-эк распрямится и усё медведю-то и запротыкнёт. Медведь тудым-сюдым, покрутица маненько, да и сдохнет. К племяннику у меня, конечно, доверье-то не то что бывало. Он, конечно, человек городской, кажное утро газетку читает и всё такое прочее, токмо через него уже и я, и Пахомыч пострадали изрядно. Однако на сей раз чувствую — дело верное. Пахомычу-то я, конечно, ничего не сказал. Он и аposable той-то охоты никак оклематься не может. А сам-то я вот что удумал. Жиру-то у меня тюленьего нетути и уса китовьего тоже поблизости не наблюдается, а тем более какой от них прок, если не зима

И кэ-эж на геро напроситя, джа, поймаеш
ли, бестюковая

сейчас, а наоборот, полная осень и теплынь градусов на пятнадцать тянет, никак не меньше. И взяв вместо китового уса самую настоящую стальную пружину, завязал её верёвкой думажною, чтобы она размокла, когда потребуца, и запаковал всё это оружие в шмоток поросячьего сала. Ну и, естественно, на Волчью тропу уложил. Сам неподалёку, под ёлочкой, притаился. Поджидая, стало дывать. Ну откуда ж мне было знать, что к Пахомычу сыновья-то понаехали? Понаехали, значица, и тут же подавай им охоту. Баламуты, понимаешь ли! Нет бы спервоначалу посидеть, в баньку сходить, ещё там тудым-судым. Нет, понимаешь ли, на охоту. Да с этими самыми, понимаешь ли, с собаками. Ага. С гончими. Ну, конечно, собака моё сало-то и унюхала. И кэ-эк на него набросится дура, понимаешь ли, бестолковая. Я ей кричу: «Не трожь, мол, дура!..» Куда там. Треснуло ей, конечно, пружиной-то. По зубам. Не дошло зачуток до желудка-то. Ага. Ну зубы, разумеетца, выдило. Все. Напрочь. С тех пор она уже сало-то никогда не ела. И мясо, говорят, не ест. Опасается. Молоко пьёт. А молоко-то, конечно, Молоко вполне можно и без зубов пить. Пахомычев сынок-то ругался спервоначалу. А потом перестал. В город уехал. Говорят, к зубному ветеринару ходил. Токмо, думаю, зря он это. Пружина у меня сильная была.

Какой тут ветеринар, на фиг.

Лосино-хвостинная

А тут Пахомыч меня подкузьмил. Должно быть отомстить решил-ся. То ли за голову ему было малёк заодно, то ли за собаку сыновью?

Не знаю. Ага.

— Знаешь как, — говорит, — в старые добрые времена лосёв-то ловили?

— Ну и как же ить, — говорю, — их ловили?

— А так. Насыплють ему на хвост соли, да и вся недолга.

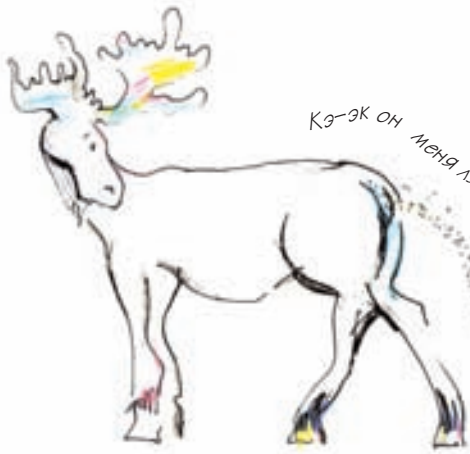
— Ну, про соли на хвост я, конечно, слышал, токмо, — говорю, — сказки всё это. С какой это стати он от соли на хвосту помре?

— А с такой. Лось эту соль почувствует. Захочетлизать. Потянется к хвосту-то, а хвост от него. Он и закружится за хвостом, точно глупой котёнок. Так и буде кружица, пока не рухнет. Тут-то его и бери голыми ручками.

А что же ты, дорогой мой Пахомыч, этим способом лосей-то не промышляешь? — спрашиваю.

— А я, — говорит, — после тойного случая с лосёнком их, — говорит, — почему-то сильно пужаюсь.

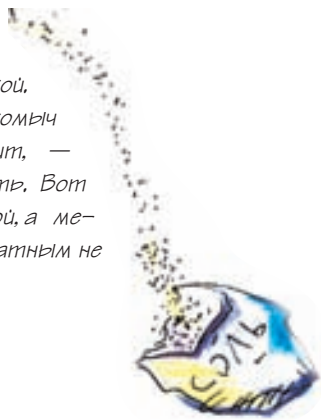
Конечно, веры у меня до Пахомыча никогда особой-то и не было, однако, смотрю вроде как добрый способ-то! Но на всякой случай решил спервоначалу на нашей дурёнке испробовать. Насыпал ей соли на хвост — ноль, как говорица, внимания. Токмо в глаза мои глядит с удивлением. А Пахомыч говорит: «Вестимо, нечто корова соль есть будет?»

Қағак он
меня лягнётъ ...

Ты ей, — говорит, — травы на хвост привяжи». Ну привязал я ей пучок наисвежайшего клеверу. Бурёнка и тут никакого интересу к своему хвосту не проявляет, токмо чегой-то задними ногами стала взбрыкивать поманеньку. А Пахомыч говорит: «Знамо дело, чо ей энтог клевер на хвосту жевать, когда его под ногами навалом. А потом, корова, — говорит, — существо бестолковое. Корова, — говорит, — лосю не чета». Ладно, думаю, чем чёрт не шутит. В крайнем случае, соли-то не больно жалко. Выбрали мы с Пахомычем лося пожирнее. Подкрался я к нему сзади и токмо было собралси соль-то ему на хвост посыпать. Кэ-эк он меня лягнёт. И главное сразу двумя копытами, гад такой. Четыре ребра поломал — зверюга. А Пахомыч говорит, что я промедлил. Надо, — говорит, — было быстренько насыпать да отбежать. Вот сам и сыпь в другой раз, если умный такой, а меня на энту охоту больше и пряником печатным не заманишь.

Медвежья-2

Никогда, как г-рится, не говори никогда. Уж зарекался я на фиг никогда с этой охотой не связываться, от неё ить оно никакой разумной пользы, а одни сплошные убытки и ущерб здоровью. Только ить не зря ж г-рят, что охота пуще неволи, опять же, когда у тебя таки бестолковые племянники водятся. Ага. Приезжал, конечно, ага. Мериканского виски привёз, аж целую литру. Основательный надо сказать напиток, не хуже пахомычевой самогонки, которую он на горохе настаивает, но дело-то не в этом.

Рассказал этот баламут-племянник, как мериканские индейцы на медведев охотяца, ага. Они, значить, черти безбородые, вот что удумали. Привяжут на ветку тяжёлый камень. Обмажут, значить, его мёдом и в кусты неподалёку засядут да трубочку потихоньку покуривают. Ага. Мишка, конечно, мёду учуеть, подбежит, захочет камень сорвать, да и хрясь его лапой. Камень, конечно, качнётся, да и обратно по мишке. Тому, конечно, задидно что его камень-то треснул, так он ему сдачи с удвоенной силой. Вотщем так каменюку раскачает, что тот ему в конце концов голову-то и проломит. Тут уж индеец из кустов выходит, извиняется, конечно, за такое причинение ущерба, так, мол, и так; извини, дядя Миш, но уж больно кушать хочется.

Ага. Племянник-то, конечно, виски своё докушал и в город подался, ему-то что, лишь бы как, г-рится, старую охотничью душу вэбаламутить. Оно, понятно, медведя можно и на пиво споймать, только уж больно оно накладно на пиво-то! На мёд-то сильно дешевше получается.

Мушка конечно, но камень лапой, толк конечно, ему в отпадучу по морде

Да и вроде ведь никакого подвоха. Камень подвесил, в сторонку отошёл и сиди себе трубку покуривай, пока косолапый с камнем воевать будет. Ага.

Ну выбрал я каменюку побольше. Берёвку пеньковую взял, мёду туюсок, да и на охоту отправился. Привязал, значица, я верёвку с камнем на крепкий сук, обмазал мёдом да и пошёл себе в кусты пахитосочку искурить. Только я, значица, раскурил табачок-то, гляжу — батюшки-светы! Мой мишка, что у меня во дворе заместо собаки дом сторожит, со всех ног на каменюку несётся. Ага, я его сразу признал, поскольку сам когда-то у него на спине глупу надпись выстриг. Ага. Мишка, конечно, по камню лапой, тот, конечно, ему в отдачу по морде. Ёлки-метёлки, думаю, так ить и зашибёт, дурилку косолапую, кто же у меня дом-то сторожить будет?! Ну, дросился я его прогонять! Уйди, говорю клещеногий, от этого камня, зашибёт на фиг! Только куда там — он по нему как шарахнет! Я палку взял, чтобы мишку-то моего шугнуть, а тут этот каменюк назад уж летит, ну и точно в лоб моему мишке-то и целит, только тот, видать, не чета энтим тупым мериканским медведям-то. Он, не дудь дурак, пригнулся маненько. Ага. Ну а я-то не успел маненько. Замешкался. Сильно меня тогда каменюка шарахнул. Ажно сотрясение мозгов приключилось. Хорошо хоть мишка домой меня дотащил, а то бы так и пропал я на энтот охоте дурацкой. Не-е, как хотите, а я больше охотица не ходок. Я уж лучше рыбачить буду ходить. Рыбачить-то оно как-то безопаснее вроде.

Форельная

Да, такие вот сейчас пошли племянники!!! Я после того случая, когда меня каменюкой—то шандарахнуло, завязал с этой охотой дурацкой! Я на рыбалку переключился. Выйдешь утречком — по лугам туман стелется, на востоке небо розовеет, птицы щебечут, лепота—а... Посидишь с удочкой, окушков да ершишек надёргаешь, вот тебе и уха. Вотщем от рыбалки одна сплошная польза для душевного равновесия и хучь и небольшое, но подспорье для домашнего хозяйства. Ага. Только и с рыбалкой у меня один раз промашка вышла. А всё племянник... Не-е, я не против, пушай приезжает, оно завсегда приятно с умным человеком потолковать, и гостинцы опять же... но неча чело-века всяческими дурацкими байками путать!!!

Оно ить как дело—то вышло. Приехал, значить, этот племянничек погостить, ну хоньячку там привёз, туда—сюда, снеди разной, и в том числе привёз он красной рыбы — форели. Ох и до чего же вкусна, зараза такая. Ага. И рассказал он, значится, как эту рыбу карельцы и комяки в северных речках ловлють. Ага.

Возьмёт, значится, карелец краюху хлеба, во рту зажмёт и в речку залазит по самые уши. Ага. Ну, вода, знамо дело, хледушек—то размывает потихоньку, и от краюшки запах по всейной реке разносится. А у форели, оказывается, нос очень чуткий, вот фореля, значится, подплывает посмотреть, чем это таким вкусным пахнет? Видит хледушек, дай, думает, откушу мал—мала, а тут её карелец за зёрны цоп—цобел! Попалась, голуда! Ага.

Вот фореля, значит, подмывает посмотреть...

Ну, племянник—то что? Коньяк свой допил и уехал. А мне уж дюже та фореля понравилась, не чета нашим окушкам. А что, думаю, может и у нас фореля—то водится? А что — река у нас чистая, отчего бы ей там, например, и не водится? А на червя она как всякая благородная рыба не клюёт, и на хлебный катышек тоже, может, ей клевать неудобно, ей, может, подавай краюху свежего хлеба? А чо, думаю, чем чёрт не шутит? Вода сейчас вроде тёпла, не споймаю форелю, так хучь помоюсь маненько. А хлеба что, от краюхи хлеба чай не обеднеем. Ну, так вот, выдрал я денёк потеплее, взял краюшку наисвежайшего хлебушка и забралси в реку, дуралеи старьи! Стою как чурбан с краюшкой хлеба во рту, Солнышко голову печёт, мухи — ведьмы шестиногие — по носу щекочут, да и вода не так уж и тёпла, как спервоначалу—то казалась. Но я терплю, Притаился. Уж больно мне тогда хотелось форелю споймать. Ага, Только никакая фореля не приплыла, на фиг. Пескаришки, те да! Пескаришки со всех сторон мою краюху окружили, уплетают мой хлебушек за обе щёки, мелочь пузатая, Ага. А я, значится, дурьнда старая, стою — форелю жду. Только заместо форели, не иначе как на пескаришек сиганула огромная щука!!! Сколь-ко уж она там пескаришек споймала, мне неведомо, только вместе с пескарями полбороды мне очекрыжила и вот такенный шрам на щеке оставила. Ели удёг. Не-е, ну её, форелю эту. Я уж всё теперь, Теперь я только на окушков да на ершишек рыбачить буду.

Подлёдная

Время, конечно, движется. После лета у нас завсегда осень наступает, а там уж, как водится, и зима. Ага. Зимой мы с Пахомычем на подлёдную рыбалку ходим. Просверлим луночку, мормышки закинем и по окушкам, да ершишкам. Так бы себе и рыбачили спокойно всю зиму, если бы не племянник. И откуда только такие племянники, интересно знать, берутся? Приехал, здрасте, как г-рится. Я на него после того случая с форелей шидко сердит был. Неча, как г-рится, людей с панталыку сбивать! Однако и от таких бестолковых племянников кака-никака, а польза бывает. Ага. Научил он нас с Пахомычем одному дуже согревающему напитку. Называется – «Слонина». Ага. Такой национальный словацкий напиток. Делается он на самом-то деле несложно. Берёшь поллитру водки и разогреваешь её в кастрюльке градусов до восьмидесяти, а параллельно на сковородочке салце свиное жарить, ну и как водка-то разогреется, ты в неё салце бултых, и всю эту добрую смесь в термос. Очень, надо сказать, душевная Слонина получается. Ага. Ну а за Слониной, как водится, и разговоры пошли. Про рыбалку, конечно. И этот баламут племянничек вот, что нам с Пахомычем рассказал. Вот, как оказывается, зимой в Сибири на рыбалку-то ходят. Удочки не берут, какие там на фиг удочки!? А берут они санки, лом, мешок, фонарик и совковую лопату! Идут, значит, ломиком по льду постукивают и прислушиваются. Ежели звук глухой, то они дальше идут, а ежели звонкий, то они, стало быть, останавливаются — бочагу нашли. Бочага — это такая штука, которая возникает

И ка-эж шарахнет ломом-то по свежему лежку...

из-за неровностей озёрного дна. По краям бочаги лёд промерзает до самого дна, а из самой бочаги вода уходит. И получается такая ледяная чаша, дитком набитая свежемороженой рыбой. Ага. Ну, сибиряки, как такую бочагу найдут, прорубают в ней изрядную прорубь, чтобы человек тудить мог пробраться и, стало быть, лезут. Один фонариком светит, другой мешок держит, а третий совковой лопатой в мешок рыбу нагружает! Набьют они два-три мешка и до дома до хаты. Почитай на целную зиму рыбой затарилась. Ага.

Ну племян-то, конечно, погостил-погостил, да и уехал. А нам с Пахомычем шидко захотелось сибирской рыбалки попробовать. Выбрали мы с ним денёк поморознее, взяли санки, мешков, лопату совковую, фонарика у нас с ним не было, так мы пару свечей прихватили, лом, конечно же, взяли, ну и два термоса со Слононой, чтобы в случае чего не промёрзнуть. Выбрали мы озеро, подходящее по нашим понятиям, где этих бочаг должно быть немеряно. Ну и идём, ломиком постукиваем, только чтой-то никак не поймём, чи он звонко стучит, чи тихо? Ну, вот в одном месте вроде показалось звонко. Стали долбить. Долбали-долбали, сами все задолбались, а токмо с последним ударом вода-то в прорубку так и хлынула, никакая оказалась это и не бочага. Стоим мы с Пахомычем утомлённые. Что делать? Пахомыч г-рит: «Давай лопатой пошуруем, может оно, здесь не шидко глыдко? Может тут рыба на дне спулая лежит? Так мы её лопатой!». А я что, я г-рю: «Давай». Попробовали, и действительно — не шидко глыдко.

Шарили-шарили лопатой, только один ил, на фиг, Мотыля и того нет! Оно хоть бы мотыль был, тогда бы не зря трудились. Расстроились мы с Пахомычем. Сели вокруг полыньи, из которой лишь черенок от лопаты торчит, решили с расстройства Слонины выпить. Ага, Хорошая вещь – Слонина. Часа два так с Пахомычем просидели, а чо, со Слониной – то оно не холодно. Надо было нам, старым дуралеям, хучь угочек взять, может быть, хоть окушков бы чутка наловили, а на совковую лопату рыба слабо клюёт. На совковую лопату токмо мороженая рыба хорошо ловится, а живая ни-ни! Ну, долго ли коротко, порывачили, пора и честь знать, пора, как г-рится, до дома до хаты. Только вот лопата совковая в полынью вмёрзла как мёртвая. И то, мороз – то тогда был нещуточный. Жалко лопату – то, хорошая, почти новая, чего там – и сорока лет – то, небось, не отслужила. А для хорошей лопаты сорок лет разве срок? Пахомыч г-рит: «Погоди, Яшка, сча мы её ломом отобьём!» И кэ-эк шарахнет ломом – то по свежему ледку, а он за два – то часа, оказывается, не шидко на много промёрз. Лом – то скрозь него и пролетел, как скрозь масло. Пахомыч на ногах, конечно, не удержался и носом со всего размаха об лёд. Кровища, конечно! Ведро не ведро, а с полведра – то уж точно вылилось. Хорошо хоть, снегу кругом навалом. Снегом – то, оно очень хорошо кровь останавливать. Вот если бы он летом об лёд – то бабахнулся, то уж и не знаю, что бы мы тогда и делали, тогда бы уж точно он цельно ведро крови – то потерял бы.

И вот идём мы с ним домой—то, еле ноги передвигаем. Одни убытки с этой сибирской рыбалкой, на фиг. Лом утопили, лопату, почти новую, в лёд заморозили, нос Пахомычу набок свернули, а я ещё и калошу потерял где-то. Одна—то, конечно, осталась, а вот вторая как в воду канула. А от одной калоши что толку? По одной калоше в магазине не продают. Так что, почитай, я не одну, а целных две калоши потерял. Можно, конечно, рассчитывать, что кто-то ещё одну калошу потеряет, тогда можно было бы у него вторую—то выкупить, или наоборот ему свою запродать, только это, вестимо, надолго может затянуться. У нас мужики—то редко калоши теряют.

Разливная

Так уж в мире устроено, что после зимы всегда весна наступает. Ага. А весной-то оно конечно. Весной снег-то тает, и река разливается. Река у нас не сказать чтобы широко большая, но берега отлогие. Поэтому разливы ого-го-го какие бывают. А в этот год ну просто потоп приключился. Пахомычева хата-то самая близкая к реке, так её затопило на фиг. Пахомыч поэтому к нам перебрался на время. Наша-то хата на пригорке стоит, ближе к лесу, так её разлив не осилил, только до крылечка вода-то и дошла. Вотшем оно, с одной стороны, плоховато, что у Пахомыча хату-то затопило, а с другой — вроде и ничего. Бадки наши на кухне носки вяжут да разговоры свои пустые разговаривают, а мы с Пахомычем прямо в окно удочки закидываем да рыбу удим. Только она не клюёт, зараза. Вода-то мутная, она и не видит ничего. Рыба она хоть не машина, у неё фар нету. Вот если бы были фары, тогда бы да, тогда бы она, может, и в разлив бы клевала. А так не-е.

Ну через недельку вода-то спала, Пахомыч домой вернулся. Ага. И вот заходит Пахомыч в сарай по какой-то своей надобности, а там в углу что-то такое огромное хрюкает, глазами сверкает и усицами шевелит. Пахомыч ажно обделался от страха. Подумал, что чёрт. Ну, поменял он штаны, прибегает ко мне: «Яша, — г-рит, — у меня чёрт в сарае поселился! Что теперь делать-то?» Взяли мы с ним моё ружжо, пулю-жакан туда зарядили, и вторую в запас с собой взяли (у нас их всего две-то и было). Пахомыч саблю свою именную взял и иконку на груди повесил.

...«синяя баба хуже чёрта, может ец он ничего и не сдекает?»

Идём. Хоть и с ружжом, и с саблей, и с иконкой, а боязно. Как-никак не каждый день с чёртом встречаешься. Ну заходим в сарай, а он кэк-к фыркнет, мы — дёрну! Ясное дело, чёрт! А чёрта жаканом-то разве возьмёшь? Чёрта только серебряной пулей взять можно. А откуда же у нас серебряные пули? Пахомыч г-рит, что вроде бы есть у него одна серебряная ложка и можно её попробовать, втихаря от бабки его, на пулю переплавить. Стали мы ту ложку в жестяной банке на газу греть. Грели-грели, не плавится зараза такая. Видно температура ей не хватает. Ладно, попробовали в печку засунуть, — та же история. Я г-рю: «Давай, Пахомыч, мы её пилкой по металлу на мелкие кусочки напилим и завьём в патрон на манер дроби. Может чёрта не обязательно серебряной пулей, может его и серебряной дробью задить доступно?» Пахомыч г-рит: «Давай». Вот напилили мы ложку, забили её в патрон. Саблю взяли с собой для верности — идём. Открываем, значит, дверь в сарайку. И шарах по чёрту серебряной ложкой. Только может я тогда с перепугу промазал маненько. Чёрт своим хвостищем кэ-эк вдарит! Грязюга, что после разлива в сарайке осталась, во все стороны летит. Ну а мы с Пахомычем дёрну! За новыми штанами побегли.

Собрали мужиков со всей деревни — кто с ружжом, кто с вилами, кто с косой, кто с иконою — заходим, значит, в сарайку, а чёрт-то кэ-эк фыркнет, мужики тикать, только хромой Кузьма с перепугу по чёрту из ружжа пулей-жакан бабахнул, тот и затих после этого.

Не фыркаетъ. Ну хоть и не фыркаетъ, а всё равно страшно. Вдруг он это так просто затаился, эверюга. Ну сели мы с мужиками в сторонке, обсуждаем, как дальше-то быть? Надо бы как-то чёрта на свет дожить вытащить. Хромой Кузьма предложил сарайку сжечь на фиг, чтобы и духу этого чёрта не оставалось. Подумали-подумали, а что, вроде как и разумное предложение. Один Пахомыч сумлевался маненько. Жалко ему было свою сарайку-то. И то — почти новая сарайка-то была, лет пятьдесят-пятьдесят пять — не боле. Только что от неё толку, если там чёрт в углу притаился? Погоревал-погоревал Пахомыч и согласился. Хромой Кузьма за бензином пошёл, мужики разбрелись сухого хворосту поднабрав, а мы с Пахомычем за сарайкой присматриваем. А тут вдруг бабка его выходит и напрямик так в сарайку и чешет. Она про чёрта-то ничего и не ведала. Мы ей не рассказывали, чтобы не пугать дуру старую, а то ить могла для такого важного дела и ложку-то серебряную не отдать. Ага.

Хотел ей Пахомыч крикнуть, чтоб она не ходила в сарайку-то. А я г-рю: «Да погоди ты, Пахомыч, ить говорят же, что иная баба хуже чёрта, может, ей он ничего и не сделает?» Пахомыч г-рит: «А вдруг, сделает?» Вотщем, пока мы с ним препирались, бабка в сарайку-то и зашла. Ага. Ну, это, минутой её нет, другую, третью. Ну, всё думаем, сожрал чёрт нашу бабку. Ан — нет. Слышим кричит: «Вань, (это она так Пахомыча называет), поди-ка сюды!»

Ну мы боком-боком, с ружжом и саблей наперевес в сарайку заглядываем. «Гляди-ка, Вань, каку рыбину здоровую нам в разлив-то в сарай занесло!»

Ёлы-метёлы, оказалось это сом, был! Огромный сомина двенадцати пудов весу! А мы, душни старые, чуть не спалили его вместе с сарайкой! Ага.

А уж как разобрались, что это сом был, то сильно тому делу обрадовались и целвну неделю эту рыбину всей деревней ели. Ага.

